

Современная духовная культура народов Севера и Сибири: Сб. науч. тр./Под ред. Н.А. Томилова; Омск. ун-т. Омск, 1989. 183 с.

Освещаются актуальные проблемы современного состояния духовной культуры народов Севера и Сибири, а также раскрываются этнокультурные процессы, происходящие в национальных группах, проживающих в этих регионах.

Для этнографов, этносоциологов, религиоведов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

Сборник подготовлен кафедрой этнографии, историографии и источниковедения истории СССР ОмГУ.

Рецензенты: канд. ист. наук А.В. Смоляк;  
кафедра истории СССР советского периода Омского пед. ин-та

Редакционная коллегия: д-р ист. наук И.С. Гурвич,  
д-р ист. наук Р.Ф. Итс,  
В.В. Реммлер (отв. секретарь),  
канд. ист. наук В.Г. Рыженко,  
д-р ист. наук З.П. Соколова,  
д-р ист. наук Н.А. Томилов  
(отв. ред.)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Общепризнанно, что в анализе взаимоотношений природы, человека и культуры исходной категорией является человеческая деятельность, хотя интерпретируется это различно<sup>1</sup>. Если под культурой в самом общем смысле подразумевать средства деятельности человека и общества, то к экологической культуре следует отнести знания и навыки, составляющие блок средств материально-практической и духовно-познавательной деятельности, вырабатываемых и используемых в процессе освоения и познания людьми определенной естественно-географической среды. Иначе экологическая культура может быть названа культурой природопользования, если под природой понимать, как предлагает Н.С. Злобин, не просто среду обитания и источник средств существования человека, "а лабораторию его предметно-преобразующей общественно-организованной деятельности"<sup>2</sup>.

Экологическую культуру составляют исторически сложившиеся "нормы поведения" человека в природе: опыт оптимального (в пространственно-временном и структурном измерениях) ведения хозяйства, традиции рационального использования биоресурсов, умения и знания, необходимые для обеспечения безопасности человека в окружающей среде. В этнографии названные элементы культуры включаются обычно в разряд явлений, обозначаемых понятием "народные знания".

В современных исследованиях экономического и социокультурного развития народов Сибири все чаще используются термины "этноэко-система", "биогеоантропоценоз", "эколого-экономический баланс", призванные установить формы взаимозависимости между обществом и естественно-географической средой. Этап "табуации" экологического подхода в исторических науках, когда за всяким углубленным природоведческим анализом мерещился призрак "географического детерминизма", а в качестве альтернативы зачастую предлагалась если не нигилистическая, то пресфанная оценка географического фактора, можно считать пройденным. К сожалению, этот обнадеживающий вывод относится главным образом к археологическим и эт-

нографическим исследованиям, тогда как в изучении проблем современности внимание, уделяемое обществоведами производственной и социальной инфраструктуре, редко распространяется на экологическую инфраструктуру. А между тем, как отметил видный археолог-сибиревед М.Ф. Косарев, зависимость человека от природного окружения со временем не ослабевает, а становится все более сложной и опосредованной, хотя эта опосредованность и порождает иллюзию независимости общества от естественно-географической среды<sup>3</sup>. В соответствии с этим актуализируется проблема изучения и развития экологической культуры.

Коль скоро культура представляет собой средства деятельности, необходимо осуществить краткий экскурс в историю развития хозяйства как основной сферы материально-практической деятельности народов Северо-Западной Сибири. Ключевым понятием, характеризующим структуру хозяйства, выступает хозяйственный комплекс, обозначающий совокупность занятий, обеспечивающих производственно-потребительский цикл определенной группы населения.

В позднем средневековье - период, предшествовавший присоединению Сибири к России, - на территории Западно-Сибирского Севера существовало шесть хозяйственных комплексов различных типов: арктический промысловый, тундровый промыслово-оленоводческий, прибрежно-тундровый промысловый, таежно-самодийский промыслово-оленоводческий, глубинно-таежный угорский промысловый, приречно-таежный промысловый. Отдельные комплексы были слабо взаимосвязаны торгово-обменными отношениями и миграциями населения, их территориальные рамки, структура и компонентно-отраслевой состав обуславливались главным образом спецификой природно-географического окружения.

На протяжении XVI - XIX вв. произошло несколько крупных изменений в хозяйственном укладе коренного населения. В XVII в. установилось тундровое крупнотабуное оленеводство; пушной промысел в XVI - XVII вв. сформировался как специализированная отрасль, а уже во второй половине XVII в. он был переориентирован с добычи ценной пушнины (соболя, бобра) на промысел менее ценной (белки, песца); рыболовство претерпело две качественные трансформации: с начала русской колонизации в связи с распространением конопляных сетевых снастей и на рубеже XVIII - XIX вв. в результате развития рыбопромышленности; промыслы дикого оленя и морского зверя с XVII в. пришли в упадок; с XVIII в. значительно сократилось

натуральное и в ряде районов появилось товарное собирательство. Решающим фактором модификации локальных хозяйственных комплексов и всей системы хозяйства коренного населения стало инокультурное (русское, коми, тюркское) влияние.

К началу текущего столетия сформировалось девять основных типов хозяйственных комплексов: арктический, тундровый, южно-тундровый, лесотундровый, таежно-ненецкий, приречно-таежный, глубинно-таежный, таежно-предуральский, кондинский. Благодаря росту торгово-обменных связей, интегративному воздействию ярмарочно-сугланых центров, повышению подвижности населения вследствие развития оленеводства и экстенсификации охотничьего промысла взаимные контакты различных хозяйственных комплексов значительно усилились. В рамках самих комплексов сложилась специализация отдельных групп населения на тех или иных видах промысла, оленеводстве и т.д. В тундровой зоне на базе развития производящей формы хозяйства выделились доминирующий (олeneводческий) и периферийные хозяйственные комплексы, образовавшие в соскупности целостную региональную систему хозяйства<sup>4</sup>.

За период социалистического строительства на Западно-Сибирском Севере произошли кардинальные экономические перемены, связанные с преобразованием традиционных и развитием новых - индустриальных - отраслей. В настоящее время в регионе идет процесс совершенствования ТПК, ведущее место в структуре которого занимает нефтегазодобывающая промышленность. Традиционные промыслово-олeneводческие комплексы, претерпевшие существенную перестройку, вошли как локально-отраслевые компоненты в систему ТПК, утратив присущую им прежде внутреннюю межотраслевую взаимодополняемость (к примеру, казымские ханты-олeneоды ныне почти не практикуют охоту; ханты Демьянки, наоборот, оставаясь промысловиками, с недавнего времени не содержат оленей; надымские ненцы, занимаясь рыболовством, в большинстве своем не участвуют в оленеводстве; кондинские манси, сохранив многие традиционные приемы рыболовства, не практикуют регулярного охотничьего промысла). Модернизация традиционных видов занятий, превратившихся в хозяйственную периферию, заметно отстает от развития промышленного ядра ТПК, вследствие чего возникают диспропорции между индустриальным и аграрно-сырьевым секторами, образуется ряд дисфункций во взаимодействии ТПК с окружающей средой, встает немало социально-демографических и иных проблем. Например, как

отмечает Д.Д. Богдавленский, за период с 1959 по 1979 гг. количество населения из числа народностей Севера, занятого в традиционных отраслях хозяйства, сократилось до 43 %; одновременно выросла численность работников, занятых неквалифицированным и малоквалифицированным физическим трудом: уборщиц, сторожей, кочегаров, подсобных рабочих, грузчиков и т.п. - если в 1959 г. их удельный вес составлял около 12 %, то к 1979 г. он увеличился почти до 30 %; при этом наиболее ярко названные негативные тенденции проявились в районах интенсивного освоения - Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, в меньшей степени в сравнительно "тихих" - Эвенкийском и Ненецком округах<sup>5</sup>.

Вполне очевидно, что опережающие темпы развития новейших индустриальных отраслей Тюменского ТПК должны сохраняться и впредь. Однако для органичного строения ТПК как целостной социально-экономической системы необходима и ускоренная технологизация традиционных аграрно-сырьевых отраслей. В этой связи следует учитывать ряд экологических, хозяйственных и социальных факторов:

- биологические ресурсы, являющиеся основой существования традиционных отраслей (олeneемкость пастбищ, численность популяций промыслового зверя, ихтиофауны и др.), выступают естественным ограничителем роста аграрно-сырьевого сектора Севера при достигнутом уровне технологии;

- возможности экстенсивного пути развития оленеводства и промыслов постоянно сокращаются за счет индустриального строительства, расширения лесозаготовок, увеличения числа и размеров населенных пунктов, проведения новых транспортных линий, любительского промысла и браконьерства, неизбежных пагубных последствий воздействия промышленности на окружающую среду;

- уровень оснащенности и организации производства в аграрной сфере весьма низок, ведение отдельных отраслей нередко контролируется различными организациями, что препятствует выработке комплексного подхода к развитию традиционных форм хозяйства;

- научные исследования перспектив дальнейшего технологического обновления традиционных отраслей экономики Севера находятся пока на стадии общих разработок и отдельных экспериментов, их результаты медленно внедряются в производственную практику; в то же время профессионально-образовательный уровень коренного населения, занятого в оленеводстве и промыслах, не достаточен для

встречного изобретательско-рационализаторского движения" от производства";

- учебные программы школ районов Севера слабо сориентированы на выработку профессиональных навыков промысловика и оленевода, не содержат элементов подготовки к новаторству в данных сферах производства; не выработана перспективная профессиограмма работника аграрно-сырьевых отраслей. Так, по материалам анкетирования, проведенного Комплексной северной экспедицией Тобольского госпединститута среди учащейся молодежи Ямальского района в 1937 г., ни один из опрошенных юношей ненцев не намерен работать в будущем по профилю школьного трудового обучения; почти половина школьников ненцев - 43 % из 300 заполнивших анкету - считает наиболее важными в районе традиционные аграрно-промысловые профессии и сориентирована на них, однако лишь 5,7 % в числе первостепенных специальностей назвали профессии зоотехника, ветврача, тогда как именно развитие ИТР традиционных отраслей является единственной перспективой их технологизации, подъема на уровень современных экономических требований;

- названные и некоторые другие обстоятельства не способствуют росту содержательности и престижности профессий оленевода и промысловика, что выступает одной из главных причин оттока образованной молодежи из традиционных отраслей в новье.

Одним из основных путей развития аграрного сектора Тюменского ТПК является становление комбинированных - в равной мере природопотребляющих и природовоспроизводящих - отраслей (например, рыболовства с рыбоводством, охотничьего промысла с питомниковым звероводством), непременным условием которого выступает сочетание экологической культуры коренного населения и научно обоснованной экологически оптимальной технологизации традиционного хозяйства.

В этой связи необходимо отметить, что существующее предубеждение относительно несовместимости традиционности (архаичности) и научности (современности) в разработке моделей перспективных эколого-экономических систем основано попросту на незнании традиций природопользования, в течение тысячелетий формировавшихся у сибирских автохтонов. Напротив, древнее население по сравнению с современным не только более органично "вживалось" в окружающую среду, но и значительно интенсивнее занималось воспроизводством биоресурсов.

В эпоху средневековья основу хозяйственной деятельности корен-

ного населения Северо-Западной Сибири составляли промыслы с элементами резервирования "живого продукта": рыба "запиралась" в отдельных участках водоемов плотинами или древесными часточками, пойманные в результате загонной охоты олени содержались в деревянных изгородях и т.д. Были широко распространены природоохранные нормативы: у хантов, например, существовал выраженный в сакральной форме запрет полностью перегораживать запорами реки, считалось предосудительным охотиться на гнездящую боровую дичь. Своеобразными естественными питомниками являлись "бобровые гоны", опромышлявшиеся частично, что обуславливало их ежегодное восстановление и превращало охоту на бобра в устойчивый пище-сырьевой источник (кости бобра составляют весомую долю - до 40 и более процентов - остеологических останков на некоторых речных поселениях<sup>6</sup>).

Под воздействием русских, коми, сибирских татар, выразившемся в уплотнении населения, распространении новых приемов и средств промысла, товаризации ряда отраслей, развитии животноводства и земледелия, росте товарообмена, в течение XVI - XIX вв. существенно изменился характер социально-экологического взаимодействия на Севере Западной Сибири. Вместо охоты на дикого оленя доминирующим в тундровой зоне стало оленеводство, натуральный промысловый комплекс в тайге уступил первенство товаризованным видам хозяйства. Таким образом, двухчленная комбинация "естественные ресурсы - трудовая деятельность" пополнилась новым элементом - "искусственными ресурсами". Более того, это третье звено стало системообразующим: локальные хозяйственные комплексы тундровых ненцев в конце XIX в. формировались "вокруг" оленеводческого отраслевого ядра, хозяйственные комплексы хантов, манси, селькупов основывались на пушном промысле, продукция которого имела товарное значение.

Вследствие "ослабления" (изменения форм) зависимости от естественной среды уходят в прошлое прежние приемы природопользования: культура собирательства, практика лимитированной охоты. Их сменяют навыки экстенсивного (за счет развития транспорта) и в ряде случаев интенсивного (посредством выжигания брусничников для повышения урожайности, ягельников - для быстрого их восстановления в целях оленеводства) освоения хозяйственных территорий. В этот период складываются социально-экологические нормативы, имеющие не столько природоохранный, сколько произ-

водственно-регламентирующий смысл: у тундровых ненцев возникла традиция бережного отношения к пастбищам, у хантов установились контролируемые общинами сроки охоты на копытных и т.д.

Под воздействием хозяйственных перемен экологические нормы менялись подчас довольно быстро и существенно. Показателен в этой связи ранее упоминавшийся пример кризиса "питомникового" промысла бобра, причем не только в Западной Сибири, но и в других районах тайги. Так, в хозяйственном комплексе лабradorских индейцев лимитированная охота на бобра до освоения Америки европейцами занимала одно из ведущих мест. Пришли траллеры положили начало практике поголовного уничтожения бобровых выводов, что вскоре стало нормой промысла и среди индейцев<sup>7</sup>. Подобная судьба постигла и западносибирские "бобровые гоны", опустошенные за полвека.

В дорусский период заметную роль в хозяйстве играло собирательство, поскольку до развертывания торговли пищевыми продуктами биологически обусловленная потребность автохтонов в растительной пище могла удовлетворяться только за счет сбора трав, ягод, корней и т.д. Не случайно один из крупнейших родов тундровых ненцев носил название Вануйто (вануй - съедобный корень, до сих пор считающийся лакомством). В фольклоре ненцев часто упоминается некий народ нядыморта (нянчеда) - "мох едящие", "во мху копекиесея", ездивший на упряжках, запряженных собаками, волками или людьми. Возможно, образ нядыморта (полулюдей - полуолений) - отголосок доолленеводческой стадии тундрового собирательства<sup>8</sup>. Ханты в прошлом широко практиковали сбор ягод и кедрового ореха, о чем имеются упоминания в фольклоре; жевательный табак изготовлялся из смеси трав, чаги и золы; в качестве галлюциногена использовался мухомор и т.д. Большое значение собирательства в экономике автохтонов Северо-Западной Сибири подтверждается и археологическими данными<sup>9</sup>.

До настоящего времени, как показывают исследования В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, Л.В. Хомич, Р.А. Ураева, некоторых других исследователей, а также полевые наблюдения автора, в культуре коренного населения Тюменского Севера сохранилось немало традиционных экологических нормативов и знаний. Помимо природоохранных мер, регламентации сроков и масштабов промыслов, о чем уже шла речь, следует отметить экологическую содержательность систем времяисчисления, в которых фиксируются признаки климатических, сезонных, хозяйственных явлений. В примере, о котором

речь идет, оленеводы кондинских манси носят название "яса ёнхп" - "месяц подготовки подволоков к лыжам", апрель именуется енисейскими ненцами "сава юнулава иры" - "месяцем хорошей охоты на дикого оленя по насту"<sup>10</sup>.

Самостоятельным разделом экологической культуры можно считать навыки ориентирования - в тундре по звездам, возвышенностям, снежным заступам, в тайге - по планетам и звездам, ветру, деревьям. Тем, кто путешествовал по тундре с ненцами, кажется непостижимым их умение отыскивать едва заметные ориентиры в однообразном пространстве, различать почти неуловимые движения передового упряжного оленя, поведение которого очень информативно для оленевода. У автохтонов тайги до тонкостей развита система отметок пути, локомоторная память: "самое удивительное, отмечают В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина, - это наличие у хантов особого чувства, которое позволяло им в течение любого сложного пути сохранять ощущение его исходной точки"<sup>11</sup>.

К сфере экологической культуры в определенной степени можно отнести и лекарственные средства местного растительного и животного происхождения - применение для лечения различных заболеваний чаги, морошки, черемуховой коры, можжевельника, медвежьего сала и желчи, оленьей крови, мяса собаки, выдры и т.д.

К сожалению, этнографам доступны лишь фрагменты некогда обширной области традиционных экологических знаний, многие из которых давно утратили свою значимость под влиянием более развитой (и более искусственной по отношению к местным естественным условиям) пришедшей культуры. Их выявление и систематизация сопряжены с немалыми трудностями, хотя далеко не все исследовательские методы для этих целей использованы. К примеру, не проанализирован под этим углом зрения фольклор, не вошел в должную меру в полевую практику этнографический эксперимент. Наконец, не обработаны в полном объеме имеющиеся в литературе данные, о чем свидетельствует отсутствие монографических исследований по данной проблеме.

Между тем на сегодняшний день встает уже новая - практическая - проблема, исходящая из рассматриваемой теоретической постановки в учебных заведениях экологического воспитания, недостаток которого сказывается и на уровне подготовки к профессиональной деятельности, и на ценностных ориентациях, и попросту на здоровье и благополучии жителей Севера.

1. См.: Т а р а с е н к о Н.Ф. Природа, технология, культура: философско-мировоззренческий анализ. Киев, 1985. С. 8 - 42.
2. П р о б л е м ы философии культуры. М., 1984. С. 95.
3. К о с а р е в М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 5.
4. О б з о р сделан по результатам специального исследования Г о л о в н е в А.В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XУП - начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
5. Б о г о я в л е н с к и й Д.Д. Некоторые аспекты занятости народностей Севера и демографические процессы//Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск., 1987. С. 132 - 133.
6. С м и р н о в Н.Г., К о с и н ц е в П.А., Б о р о д и н А.В. Влияние хозяйственной деятельности древнего населения на экосистемы Западной Сибири и Зауралья//Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1980. С. 176; К о с а р е в М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 223.
7. K n i g h t R. A re-examination of hunting, trapping and territoriality among the Northern Algonkian Indians//Man, culture and animals. Washington, 1965. P. 32 - 35.
8. Нечто общее с приведенными данными содержится в мифе "Как зерно появилось в Шумере", согласно которому боги Ниназу и Нинмида доставили похищенные ими ячмень, бобы и другие культуры в страну Шумер, люди которой до этого, подобно овнам, ели траву (см.: М а с с о н В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 51), т.е., вероятно, занимались собирательством.
9. К и р ю ш и н Ю.Ф., М а л о л е т к о А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. С. 131; К о с а р е в М.Ф. Бронзовый век ... С. 211.
10. Подробнее см.: В а с и л ь е в В.И., Г о л о в н е в А.В. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири//Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 33 - 41.
11. К у л е м з и н В.М., Л у к и н а Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX вв. Томск, 1977. С. 116.